

Галина Уланова в 1941 году. фото из архива Мариинского театра

Уланова умерла. Танцевать она перестала без малого сорок лет назад. Шестидесятники могли видеть ее только в юности. Уже два поколения о ней лишь слышали, притом такое, чего о живых людях не говорят. Были, как теперь выражаются, озвучены все мыслимые и немыслимые превосходные степени восхищения, и не то чтобы только поклонниками таланта.

Она была высочайше обласкана казенными почестями и вписана в реестр величайших успехов советского народа. Уланова и Гагарин — равных им по массовому призна-

нию и в то же время по месту в официальном советском иконостае не было. Список ее наград нескончаем. В Ленинграде ей соорудили памятник при жизни по соседству с таким же памятником Председателю Совета Министров Косыгину. Это положено дважды Героям Социалистического Труда. Золотая звезда «Серп и молот» — награда высших чинов партийной иерархии, примерных председателей колхозов и выдающихся создателей оружия массового уничтожения. Само собой, Уланова — Народная артистка СССР, Лауреат Ленинской и Государственной премий,

награждена множеством советских орденов. Зарубежные ордена и премии, равно как избрание почетным членом Американской Академии искусств и наук, не только не контрастировали с отношением к балерине на родине, но составляли с ним единый ликующий хор.

Не то что Зощенко, Пастернаку, Платонову, Сергею Прокофьеву, Ахматовой, но и талантам, охотно шедшим навстречу власти, такое и присниться не могло. А Уланова всего лишь была покорна. Сталин приказал перевести ее в Большой театр, она не хотела, но не спорила, перешла. Свалившиеся почести с этим несоразмеримы.

Никогда ее не выдавшим легко похоронить Уланову вместе с обанкротившимся режимом, тем более что и впрямь хоронить ее задумали на номенклатурном кладбище Новодевичьего монастыря. Нет чтобы свезти в родной город и положить рядом с матерью, Марией Федоровной. Бывшие комсорги, вообразившие себя свободными гражданами, непрерывно теперь объясняют, что, коль скоро прежде были диктатура и террор (о чем комсорги заговорили последними), ни литературы, ни искусства быть не могло. Между тем литература и искусство и в лучшие времена выживали не столько по милости двора, сколько благодаря его терпимости, а то и равнодушию.

Но чувство неполноценности, терзавшее советских вождей и побуждавшее ликвидировать любое проявление художественности и правды, где бы они его ни обнаружили, одновременно толкало их демонстрировать уважение к бесспорным культурным ценностям. По тем же мотивам они потом обзаводились дипломами о высшем образовании и учеными степенями.

Задолго до лондонского триумфа 1956 года Большой театр заполнялся на спектаклях Улановой иностранцами, способными, как обнаружилось, восхищаться столь же шумно, как русские. Однажды сидевший рядом американский офицер сказал мне: «У вас два гения — Сталин и Уланова». О стихах

Тютчева Фет говорил: «Вот ваш патент на благородство». Была ли она от этого счастлива? Не знаю. Но это позволило ей в большой мере явить свой гений.

Она ведь и в самом деле была одной из самых значительных балерин XX века, балетом не обделенного, и прибавила ему свое, отличное и от Павловой, и от Спесивцевой, и от Семеновой, и от Марго Фонтейн. По происхождению и по природе она была классическая танцовщица, хоть в Москве не танцевала ни «Спящую красавицу», ни «Лебединое озеро». Уже став москвичкой, она в последний, если не ошибаюсь, раз танцевала Аврору в акте с nereидами в честь Петипа в ленинградском юбилейном спектакле 1947 года — и видевшие забыть ее не могут. Но ее московский репертуар сосредоточился на балетной драме. Из старой классики в нем уцелела лишь наиболее близкая этому жанру «Жизель».

Порой говорят, что Уланова раздвинула рамки балета, порой, что она его возвысила. Едва ли она ставила перед собой столь странные задачи. Скорее, напротив, она стремилась сохранить, уберечь, удержать балет даже там, где все шло ему наперекор. Танцуя балетную драму, она не переступала за порог балета, не становилась, как почти все в этой ситуации (подчас, как ее соученики и подруга Вечеслова, даже успешно), драматической актрисой. Нет, главным, что в ней поражало, оставалась естественность танцевальной речи, даже и вне четких виртуозных композиций, наперед подчеркивающих ее метафорический характер.

Когда в балете «Ромео и Джульетта», лучшей из улановских балетных драм, она бегала к патеру Лоренцо за помощью, а после, от него, со спасительным снотворным, даже и столь схожее, казалось бы, с натурой ее стремительное движение над натурой воспаряло, было не бегом, не полетом, а душевным порывом. И в том же балете в сцене венчания не совершался обряд, но одна на другую наплывали доверительные позы юной невесты.

Уланова интонировала драматические речитативы, словно то были классические арии, и этим вырывала их из плоского жизнеподобия, к которому балетные драмы тяготели. «Жизель», где пластические мотивы радостного дуэта с возлюбленным на наших глазах возобновляются в речитативной сольной сцене сумасшествия, осталась ее коронным спектаклем.

Но успех Улановой определялся не одним лишь высочайшим профессионализмом. Она угадала и воплотила миф, живший в коллективном сознании тех лет, — заплакавшую об утраченном, потерявшую всякую надежду его вернуть и, однако, не изменяющую своей приверженности к потерянному прекрасному душу. Само обозначение такой души, поименованное именем актрисы, было и художественным открытием, и общественным явлением.

Нынешнее поколение, доведись ему увидеть Уланову в лучшем виде (к сожалению, ни наши, ни зарубежные фильмы не передают сущности ее артистизма), признав в ней выдающегося мастера, быть может, не приняло бы улановский миф, далекий от текущих забот молодых людей. Впрочем, позднее, когда незамечаемое станет опять наглядным, им, возможно, придется сожалеть о своей неадекватности. Но улановский миф был душевной опорой множества людей, и пока с той эпохой мы не распрощались всерьез, он жив для тех, кто его ощутил.

И не так уж парадоксально, что актриса, выплеснувшую боль эпохи, милостями осыпали как раз те, кто эту боль причинял, попутно твердя: жить стало лучше, жить стало веселее. Преодоление гипноза пропаганды, старой или нынешней, побуждает понимать, что в истории, да и в балете, не так все просто. Лишь чувства при вести, что Уланова умерла, просты. В ее возрасте можно было этого ждать, а весть все равно нежданна и горька уже тем, что осознаешь огромность утраты.

Поэль карп

Русский телеграф - 1998 24 марта Улановой больше нет

с. 11